

БЫЛОЕ Жить хочешь?

280-Я ДИВИЗИЯ полковника Д. Галикова занимала оборону в 60 километрах к востоку от Курска. Двое наших солдат из перодовой охраны заметили троих ползущих с немецкой стороны.

Думая, что это немцы, приготовились к бою. Один крикнул другому, кто в кого стреляет. Потом заметили, что ползущие без оружия. Один из них закричал: «Наши! Наконец-то дошли!» Зарыдал и уткнулся в землю. Так в ночь с 5 на 6 октября 1942 года удачно закончился восьмой по счету побег из фашистского плена для Михаила Ведерникова, пятый — для Михаила Коломечских и третий — для старшего политрука Сточного. На них было страшно смотреть — одни скелеты! 8 октября их доставили в особый отдел дивизии 13-й армии, где допросили. Шла война, и бдительность требовалась во всем. Каждый из них рассказал свою историю жизни, кто где воевал, как попал в плен и что он там испытал.

Ведерников родился в 1921 году в селе Красного Чкаловской, ныне Оренбургской области. В декабре 1940 года был призван в армию. С октября был в 304-м саперном батальоне командиром отделения. В районе Вязьмы попали в окружение. 13 октября был ранен в левую ногу. На повозке его повезли в санбат, но по пути их захватили немцы. В ночь с 16 на 17 октября четверком бежали из плена, но их снова поймали, и они оказались в Дорогобужском лагере. Судьба сложилась так, что во время Белорусского наступления нам пришлось пройти через этот город. Остались в памяти улицы стогоревших домов с глазами окон...

В лагере было 85 тысяч голодных и истощенных пленных. Кусачками прорезали проход в провололочном ограждении и бежали. После скитаний Ведерников попал к партизанам в районе Льгова Курской области. Там опять попал в плен и снова бежал. При переходе в Миргородский район обморозил ноги. Его оставили в деревне на лечение, но староста выдал немцам. Попал в концлагерь в городе Хорол. Опять голод, холод. Было там подобие госпиталей, где лечили русские военнопленные врачи. Осмотрев его, они спросили: «Жить хочешь?» Врачи объяснили, что надо ампутировать обмороженные пальцы на ноге, ибо будет гангрена, и он потеряет ногу или погибнет. Еще объяснили, что у них нет никаких хирургических инструментов для операции. Не было и обезболивающих средств. Он согласился. Привязали ноги и его самого к столу. Откусили кусачками первый палец, второй... От дикой боли он потерял сознание... Он выдержал эту операцию, потом подлечился, и его выписали из госпиталя как украинца, выдали пропуск. Преследовал он в сторону Воронежца, останавливался в селах, помогал одиноким женщинам в хозяйственных работах, за что его кормили. По пути встретился с Коломечскими, потом со Сточным, и решили вместе пробираться к своим. Многие еще им пришлось испытать в пути на Восток, но все ближе слышались звуки передовой: грохот орудий, треск пулеметов и автоматов. Выбрав место, переползли на нашу сторону. Они снова попросились на фронт. Ведерников попал в танковый десант. Был ранен в ногу. После выздоровления был назначен командиром саперного взвода — и снова ранен. До конца войны он сражался в 157-м Рижском полку.

19 декабря 1945 года он был демобилизован. До призыва в армию преподавал в школе, куда и возвратился после демобилизации. Пройдя тяжелые испытания войны, он снова вернулся к любимой работе. Его не стало в 1996 году, но остались наследники на земле — две дочери и сын. Жизнь продолжается...

МИХАИЛ ПЕТРОВ, ветеран войны и труда.

На безымянной высоте ГИМНОМ ВСЕМ ПАВШИМ на полях сражений стала новая работа художника Заборского.

Зеленый ковер травы, розовые горные маки, вспорхнувшая над ними крохотная весенняя бабочка и две полустлепавших солдатских каски — серая немецкая и зеленая русская, так и оставшиеся дожидать свой век под открытым небом. На месте, где когда-то шли кровопролитные бои...

Этот сюжет возник в воображении художника Анатолия Заборского как зримая метафора апофеоза войны.

Острой бритвой полосула по полотну мирной жизни семьи Заборских Великая Отечественная война. В первые же дни сражений, когда советские войска вынуждены были все дальше отступать в глубь страны, Толя Заборский оказался среди тех, кто был взят в плен и угнан на четыре года в фашистский плен. Каким он был тогда, художник не помнит — нет у него фотографий того времени. Но однажды, когда готовился Анатолий Андреевич к очередной выставке, сам собой возник на полотне образ худого вихрастого подростка. Глаза его, в которых застыла недетская печаль, точно всматриваются в лицо зрителя, стоящего перед картиной — он-то ведь жил здесь совсем много времени. На полосатой лагерной робе — опознавательная метка лагеря DST. А за спиной мальчишки — словно уходящие во мглу истории свистка на руке надсмотрщика, колючая проволока и деревянные бараки концлагеря...

О том, что значит выходить полуголодным на изуродованную работу, что значит радоваться найденному в развалинах разбомбленных домов куску хлеба или быть наказанным сытым финном за малейшее непослушание, бывший узник концлагеря знает не понаслышке. Однако то, что запечатлела кисть художника Заборского в искреннем порыве вдохновения нынешним летом, стало своего рода гимном всем безымянным солдатам, сгоревшим в горах и без гробов в родной ли, в чужой ли земле. Каждый из них пад жертвой своего жестокого века. Но трава и цветы равно покрывают сегодня места бывших боев. И легкие бабочки порхают над ними, точно души умерших, наведавшие вырвавшиеся из круга земных страстей. А еще есть небо, огромное и бесконечное — одно на всех, живущих на этой земле...

Замысел этого живописного произведения, утверждает Анатолий Андреевич, родился у него неожиданно нынешней весной. Рука сама потянулась к кисти и краскам...

С иной работой плаваешь-плаваешь — ничего не выходит, — рассказывает он. — А тут сделал буквально два эскиза, и сюжет сам лег на полотно.

Название тоже придумалось почти сразу: «Высота, или Баллада о солдатах». Баллада, повествующая о драматических событиях давно минувших дней без надрыда и ложного пафоса. Со сдержанной скорбью в интонациях. И со светлой верой в то, что покой безымянной высоты никогда больше не потревожат человеческие ненависть и вражда...

БЕРА СЕРГИЕНКО.

САМАЯ КРЕПКАЯ ЛЮБОВЬ

Обыкновенные-то они обыкновенные, а полсотни лет живут в пример остальным

«В ЭТОТ ДЕНЬ примите наши искренние и сердечные поздравления. Доблестный труд и преданность калибровочному заводу принесли вам заслуженный авторитет. Желаем вам здоровья, любви близких, уважения окружающих, душевного тепла и радости», — такими словами администрация, цехом и совет ветеранов ОАО «ММК-МЕТИЗ» поздравили с золотой свадьбой Лидию Алексеевну и Валентина Александровича Козловых.

Ей 67 лет, ему — 76. Дружная жизнь этой пары длится вот уже 50 лет. Как удалось супругам Козловым пронести свет своей любви через всю жизнь? — У нас, как и у других людей, вско тоже бывало, — рассказывает Лидия Алексеевна. — Где-то конфликтовали, словами цеплялись, но «драчки» не доходило. (Смеется.) Поворчишь, поворчишь, а куда уйдешь? Идти-то некуда. И приходилось где-то стерпеть, где-то мириться с жизненными обстоятельствами.

Жизнь у Козловых, действительно, не так проста. Да они и не жалуются. И по сей день многое терпят. Например, теснотой своей двухкомнатной квартиры, в которой они проживают с сыном Сергеем, невесткой и двумя внучками Александрой и Марией. В Петербурге со своей семьей старший сын — Василий.

Лидия и Валентин родом из деревни Гоголи Пермской области. Судьбоносный 55-й год свел обоих на «стоптухе» (месте, вытоптанном для танцев), в то время клубов еще не было. Лидия исполнила песню, тут Валентин ее и заприщипил.

— Мне было тогда 15, Вале — двадцать четыре года. А в семнадцать я уже вышла за него.

— Не зря говорят, наверное, что ранняя любовь — самая крепкая? — Да, — подхватывает Валентин, — тут еще ведь в чем дело. Нас, мужчин, было 33, вернувшихся из армии. Я служил в пехоте в Свердловской области зимой, а летом еще ближе — в Челябин-

ФОТО ЛЕВОВА

ской. Вернулись мы, а девок-одногодок нет почти. Лида ведь на девять лет меня младше.

Вспоминая свою свадьбу, улыбаются: — Мы справить-то справили, а у-

вердили свой брак «на бумаге» год спустя, когда первый сын Василий появился.

На свадьбе не то, что сейчас, тамады не было. Его заменяли веселые деревенские девушки, шившие платье не-

весте, вдовившие хоромы. Но всевозможные подарки, «каравай с солью», «сбор на сыр» — все эти обычаи в то время соблюдали.

Перебрались в Магнитогорск, жили во времянке на Димитровском

поселке, потом десять лет в бараче, и уж затем в двухкомнатной, которую им выделил калибровочный завод.

Конечно, сейчас этих 22 квадратных метров семье уже не хватает, но по сравнению с тем временем, когда приходилось в бараче печь топить да воду носить, эта квартирка им показалась раем. Валентин говорит, мол, стершим, все в порядке.

— Поначалу я работала в детском саду и брала сына с собой. Когда он подростком устроился упаковщиком в цех ленты, а через четыре года стала краповщицей. Так и проработала 30 лет до пенсии. А после еще и лифтером лет шесть была.

Валентин 47 лет отработал на заводе — сначала ожигальщиком, затем слесарем и плотником.

Я была удивлена теплым приемом этой семьи. Уже на пороге меня рассцеловали. На мой вопросительный взгляд отвечают:

— Мы люди простые. И фамилия у них простая: Козловы. Она очень распространена в деревнях. Опять улыбаются:

— Это другие носят знаменитые фамилии. А мы из самой обыкновенной семьи.

Обыкновенные-то они обыкновенные, а полсотни лет живут в пример остальным. Задаю вопросом, как удалось отпраздновать им свой супружеский юбилей, да еще в кафе, если можно так выразиться, «на широкую ногу»? Пенсионерные средства не так велики.

— Нам так хотелось отметить это 50-летие. Тем более что предыдущие даты прошли в тихом семейном кругу. Валентин копил с пособия по инвалидности. Собралось много родственников из Иркутского, Красноярского краев. Всем хотелось подарить праздник!

И праздник удался. На свет и тепло семейного очага Валентина Александровича и Лидии Алексеевны, как мотыльки, слетаются многочисленные друзья и родственники. Встреча всех с радостью и даря свою сердечную теплоту, живут они вместе дружно и долго. И любовь у них такая — долгая.

АЛИСА ХАБИРОВА.

Будущее приходит и уходит, а прошлое остается.

АЛЕКСАНДР МИНАЕВ

От батрака до металлурга

ПАМЯТЬ ДВАДЦАТЬ ВОСЬМОГО августа исполнилось бы сто лет нашему отцу Петру Протасову. Родился он в брянском селе Перелазы в семье крестьянина Ефима Протасова.

С самого детства Петр помогал родителям, но в 1917 году их не стало. За воспитание четверых детей — Петра, Павла, Кати и Вари — взялся дедушка. Однажды, возвращаясь с покоса, дел упал с повозки и вскоре умер. Младших детей отдал в приют, старшая Варя уехала в город на заработки, а Петр вначале батрачил, а потом стал поваром слесаря, с которым пешком обошел весь юг Украины. После он устроился шахтером в Донецке, а в 1928 году начал осваивать профессию металлурга в Мариуполе: начал чернорабочим мартеповского цеха.

Начальство, видя, как наш отец осваивает профессию, перевело его машинистом залочной машины. В 33-м по ко-

мандровке приехал в Магнитку обучать рабочих. Он участвовал в выпуске первой плавки магнитогорской стали и остался на комбинате, работая во втором мартеповском цехе машинистом залочной машины. Отца избрали депутатом городского Совета трудящихся, при его содействии асфальтировали дороги в поселке Чапаева, по улице Пионерской и Лазо он нес дежурства в отряде дружинников. К нему нередко обращались с просьбами и проблемами, и он, как мог, разрешал их.

Родина по достоинству оценила труд металлурга, присвоив ему звание Героя Социалистического Труда. Выйдя на пенсию, папа тяжело заболел и в октябре 1966 года скончался.

Память о нем как о прекрасном человеке и отличном металлурге останется навечно в сердцах дочерей, внуков и правнуков. В честь Петра Протасова назван переулок, где жил он с семьей. Мы гордимся своим замечательным отцом и хотим, чтобы люди, знавшие его, не забывали почетного металлурга Маг-

ЛЮДИЛА И ГАЛИНА ПРОТАСОВЫ.

ЛИСТЯ ПОДШИВКУ

«Нам с горы виднее...»

СЕРГЕЙ СОСЕД (1910–1985) — Герой Социалистического Труда (1958), машинист экскаватора рудника горы Магнитной. Родился на Украине, в селе Головкивка. Рано остался сиротой. С девяти лет батрачил. На Магнитострой прибыл по вербовке.

Сегодня мы знакомим читателей с воспоминаниями ветерана, датированными началом 30-х годов.

«1930–1932 год. Я прибыл в Магнитку в 1930 году. Неграмотный, не имея никакой квалификации, поступил на производство чернорабочим — копал котлован под новую доменную печь. Во второй половине года я поступил на Гору (рудник горы Магнитной — Прим. авт.) откатчиком вагонеток, затем в отделе детальных разведок трудился воротничком. К этому времени я уже значительно вырос, был принят в комсомол и в школу для малограмотных. Все больше и глубже вникал в тонкости техники производства. После отличного окончания курсов переведен в машинисты. Это был великий день в моей жизни.

1933–1934 год. Работая и учась, учил и других. За последние два года подготовил на руднике шестерых помощников — Коломаскина, Колбасова, Севастьянова, Калашникова...

Основное, за чем я внимательно следил при работе, — это качество. Постоянно держать в порядке забой и правильно вести полошу, зорко следить за погрузкой породы для фабрики — мои обязательные правила. Мне никогда не делали замечаний о плохом качестве горнорудной массы, так как я никогда не отгружал на фабрику бута, как это делали многие машинисты по своей халатности.

С 1932 года работая на экскаваторе без единой аварии. Это умение трудиться безаварийно, конечно, не свалилось с неба: оно достигнуто систематическим повышением технических знаний. Я посещал технический кружок в цехе, и это помогло сдать мне соцтежэкзамен на «отлично».

Задержку у нас с помощником по нашей вине не было. Месячные планы мы выполняли на 116 процентов. Магнитка вырастила из меня сознательного передового рабочего. С 1931 года меня пять раз премировали за хорошую работу, в том числе и премией оргбюро ЦК ВЛКСМ по Челябинской области».

За добросовестный стахановский труд Сергей Сосед в 1939 году был награжден медалью «За трудовое отличие». Получил эту награду молодой машинист в Кремле из рук воеводского старосты М. Калинин.

В годы Великой Отечественной войны Соседу неоднократно присуждали почетное звание «Лучший машинист экскаватора черной металлургии». За счет сокращения операций он намного сократил цикл экскавации. После войны машинист-новатор возглавил первую на руднике бригаду отличного качества. В начале 50-х годов был временно командирован на строительство Куйбышевской ГЭС, где вновь отмечен премией и благодарностью руководства этой грандиозной стройки.

За 35 лет трудового стажа С. Соседом, Героем Социалистического Труда, добыто и отгружено в вагоны более 15 млн. тонн горнорудной массы.

ВАЛЕРИЙ ЕФИМОВ, краевед.

«МАРЕСЬЕВЫ» ИЗ ОРЕНБУРЖЬЯ

Они были настоящими людьми, как многие известные и неизвестные наши герои

ВСЕ МЫ ЗНАЕМ про Алексея Маресьева: летчик потерял в Великую Отечественную войну ногу, но снова сел за штурвал самолета и продолжал сражаться с немецко-фашистскими захватчиками.

Мы читали о нем в «Повести о настоящем человеке», смотрели фильм. 20 мая этого года ему исполнилось бы 91 год. В Камышине жители возлагали цветы к его памятнику, вручали паспорт молодым жителям, выступали участники художественной самодеятельности. На эту тему был сюжет на Волгоградском телевидении... А такой был не он один. В нашем городе на руднике экскаваторщик Николай Садчиков, тоже потеряв ногу на производстве, продолжал работать на экскаваторе. Он был дважды награжден орденами. В книге горняка М. Горшкова «Прияжение горы» есть рассказ о Н. Садчикове «Память»...

Последователи Маресьева были и в Оренбуржье. В селе Казанка Шарлыкского района

жил Прокофий Нектов. С малолетства любил технику, ремонтировал трактора, комбайны. В конце 1942 года призван был в армию, попал в десантный полк, воевал в районе Старой Руссы на реке Ловать. Но недолго: 11 марта 1943 года был бой. На бегу Нектов ощутил сильный удар по ноге. Сгоряча не понял, что пуля раздробила ему коленную чашечку правой ноги. Ощувив дикую боль, со стоном пополз по снежному насту к своим. Оказался в глубокой воронке с ледяной талой водой. Пытался вылезти, втыкая нож в землю, но срывался. После очередной попытки потерял сознание. Его нашли через три дня. В госпитале своего тела он не чувствовал, но ему сказали, что правую ногу ампутировали по самый пах, а левую, которую отморозил в воронке, чуть ниже колена. Была еще и рана в боку. В госпитале Фрунзе ему пришлось пережить еще дескто операции. Прошли месяцы, пока ему выдали костыли. Было больно, его учили ходить, он падал — помогала

мелестра, потом сопровождала его до дома. Жена поехала встречать его в Оренбург на лошади — верст сто, но по дороге разминусилась. Встретилась дома. «Была бы голова целая, а ноги будут мои», — сказала она при встрече мужу. Жена стала учить его заново ходить, как малолетнего. Раз устал, сильно ушибся и лечился целую неделю. Не мог он сидеть без дела и попросил, чтобы приносили ему работу на дом. Стали носить детали машин, магнето... Потом на бричке съездил в поле. Времена были тяжелые, мужики на войне, в поле — женщины, ребята и девчата. Техника требовала ремонта. Галия Акимова, комбайнер, плакала: плохо работал ее агрегат. Тогда Прокофий Васильевич, перевалившись через брычку, проковылял на костылях к комбайну. С трудом залез на площадку штурвала, все осмотрел, сказал девчатам, что делать, а потом махнул: «Давай!» Трактор потянул, Нектов сел управлять комбайном. Снова полез под него, все проверил, но по-

тепло, в доме у него на полке была книга «Повесть о настоящем человеке». Про него самого была в газете статья «Подвиг», после чего к нему приходило много писем с разных концов страны. Алексей Веретин, потерявший на фронте ногу, тоже стал комбайнером и за высокие показатели в труде в 1954 году стал Героем Социалистического Труда. Он писал Нектову: «Дорогой Прокофий Васильевич, пишет тебе такой же фронтник и комбайнер из Ташлы нашей же области. Спасибо, друг мой и брат, что ты указал мне дорогу. Когда я вернулся домой после ранения, о работе в колхозе или МТС нечего было и думать. Сидел бы дома, подшивал валенки. Все у меня было: и поест, и во что одеться, но не доставало радости. Тоской исходил по работе и не знал, где выход. Вдруг читаю про тебя в газете. И понял, что мне надо делать. Спасибо, брат, за все. Я тоже уже на комбайне. Вот соберусь с силами, набере-

русь смелости и вызову тебя на соревнование. А пока даю тебе слово выработать, как ты, ежедневно не менее двух норм». Писали ему письма из разных городов и сел, их у него набралась толстая папка. Он работал до тех пор, пока силы не оставили его. Все равно его можно было видеть в поле каждый день. Его любили, им гордились. Был он членом правления колхоза, депутатом сельского, районного Советов. Он был настоящим человеком, как Маресьев, как многие известные и безвестные наши герои. Конечно, жизнь у них — не приведи бог, А счастливы. Так и вспоминаются слова из стихотворения М. Лермонтова: «Да, были люди в наше время, не то, что нынешнее племя, богатыри — не вы...» Действительно, тогда люди больше любили труд, уважали его, были патриотами. Жизнь Маресьева, Нектова, Садчикова, Веретина и других — пример тому.

МИХАИЛ ПЕТРОВ, ветеран войны и труда.